

Молчание этих солдат, вероятно, было связано не только с суровой воинской дисциплиной, они, скорее всего...

Не знали языка жунов.

Смотрите, впереди идущий, успокоив свою лошадь, смотрел на него с яростью в глазах, но, поскольку он притворялся жуном и не знал их языка, не мог ничего сказать... Как же ему тяжело!

Держись, брат! Сам виноват, что не можешь говорить!

Сяо Хуа продолжал дразнить других лошадей, пока они не добрались до лагеря.

Это действительно оказалось... горное поселение!

Однако это поселение было старым, без признаков жизни, а дома и предметы обихода были в разной степени повреждены, что указывало на то, что здесь давно никто не жил, а недавно его только привели в порядок.

В горах Цюншань таких заброшенных поселений было много.

Горный рельеф Цюншань был чрезвычайно сложным, но не непроходимым, и в некоторых местах он был даже ровным, так что мог пройти даже экипаж.

Из-за того, что жуны постоянно совершали набеги на границу, с прошлой династии правительство запретило торговлю с жунами, особенно продажу соли и железа.

Однако, как говорится, «где закон, там и обход». Некоторые купцы, не желая отказываться от огромной прибыли, которую приносила торговля с жунами, организовывали караваны, которые тайно пересекали горы Цюншань для торговли.

Со временем в горах появилось множество торговых путей, а также множество разбойников.

Интересно, что эти разбойники были на содержании у купцов.

Некоторые крупные торговцы, заработавшие огромные деньги на торговле с жунами, ради своей безопасности и монополии на торговые пути, нанимали людей в качестве «разбойников».

Эти разбойники защищали караваны своих покровителей и помогали им грабить и убивать мелких торговцев, которые пытались урвать свою долю прибыли.

Когда местные чиновники пытались остановить эту незаконную торговлю, разбойники создавали им проблемы или даже нападали на них, заставляя чиновников встать на их сторону.

Разбойники процветали, и окрестности гор Цюншань становились всё более опасными.

Со временем местные жители должны были не только защищаться от набегов жунов, но и опасаться разбойников — хотя их и содержали крупные торговцы, люди никогда не бывают довольны, и разбойники, попробовавшие крови, становились неуправляемыми, с удовольствием грабя в свободное время.

Горы Цюншань превратились в пристанище бандитов, и местные жители страдали, пока не была основана Великая Ци, и армия Чжэньбэй не разместилась рядом с горами Цюншань, после чего количество разбойников значительно сократилось.

Но позже некоторые из армии Чжэньбэй сговорились с разбойниками, и в горах снова стало беспокойно.

До тех пор, пока к власти не пришёл Чжоу Цзиншань.

Рождённый в знатной семье и обладающий огромным состоянием, Чжоу Цзиншань, естественно, не мог быть подкуплен разбойниками. Он стремился к славе и хотел оставить свой след в истории.

Для человека, который с детства ни в чём не нуждался, деньги не были так важны, а реализация себя была главной целью жизни.

Короче говоря, Чжоу Цзиншань боролся с разбойниками, жунами и коррупционерами в армии Чжэньбэй более десяти лет и, благодаря своей поддержке и силе, одержал победу, и в горах Цюншань больше не осталось разбойников.

Чжоу Цзиншань был хорошим человеком, но его предали, и он умер в чужой стране, что вызывало сожаление.

Особенно учитывая, что его предал человек, которого он вырастил как собственного сына, Чжоу Чжэньжун.

Чжоу Цзиншань прибыл на границу в пятнадцать лет и, чтобы воспитать верных людей, впоследствии усыновил множество сирот, самым старшим из которых было около десяти лет, а самым младшим — три-четыре года.

Семнадцать лет спустя, когда Чжоу Цзиншаню было тридцать два года, многие из его первых приёмных детей уже стали независимыми и создали свои семьи.

Некоторые из них занимали важные посты в армии Чжэньбэй, а другие занимались другими делами, но самым доверенным человеком Чжоу Цзиншаня был Чжоу Чжэньжун.

Чжоу Чжэньжун был одним из первых усыновлённых детей Чжоу Цзиншаня, и даже его имя дал ему Чжоу Цзиншань.

С детства он был умным, и Чжоу Цзиншань возлагал на него большие надежды, лично обучая его и доверяя ему свою элитную гвардию.

Именно Чжоу Чжэньжун, сговорившись с жунами, заманил Чжоу Цзиншаня в горы Цюншань и попытался убить его.

К счастью, другие телохранители Чжоу Цзиншаня ценой своей жизни защитили его, и он смог сбежать, но дорога обратно в армию Чжэньбэй была перекрыта людьми Чжоу Чжэньжуна, и Чжоу Цзиншаню пришлось бежать в земли жунов.

До самой смерти Чжоу Цзиншань не мог понять, почему Чжоу Чжэньжун хотел его убить.

Когда он передал своё тело Янь Цзинцзэ, его единственным требованием было убить Чжоу Чжэньжуна.

Для Чжоу Цзиншаня, независимо от причины предательства, Чжоу Чжэньжун не мог быть прощён.

Янь Цзинцзэ также считал, что Чжоу Чжэньжун не заслуживает прощения, но он прекрасно

понимал, что в смерти Чжоу Цзиншаня виноват не только он.

За предыдущие десять с лишним лет Чжоу Цзиншань нажил слишком много врагов и слишком многим перешёл дорогу, что и привело к его гибели.

Эти люди сейчас, вероятно, ждут, чтобы он сам попал в ловушку и был убит.

Особенно теперь, когда он сбрил бороду... Солдаты армии Чжэньбэй, даже если и видели его раньше, видели его только издалека, и если бы их командиры сказали им, что он самозванец, они бы, несомненно, подчинились и напали на него.

У входа в поселение была небольшая площадь, и когда Янь Цзинцзэ подъехал на Сяо Хуа, Су Мосю уже слез с лошади и стоял на земле, глядя на него.

Зима была в разгаре, и Су Мосю был одет довольно тепло, что только подчёркивало его маленькое лицо.

На его слегка смуглом красивом лице были видны следы ветра, а его ясные глаза пристально смотрели на него...

Янь Цзинцзэ снял платок с лица и улыбнулся Су Мосю.

Дыхание Су Мосю стало более заметным, облачко пара стало гуще.

Увидев это, Янь Цзинцзэ сошёл с лошади.

Чжан Эрцюэ, который шёл к Янь Цзинцзэ, устроив свою лошадь, внезапно остановился — этот белокожий парень, который к ним пристал, был выше его на целый кулак!

Он, Лао Чжан, обычно был самым высоким в толпе, а этот человек оказался выше него!

Однако, если присмотреться к его телосложению и внешности... среди мужчин он действительно был красив, не хуже его.

Чжан Эрцюэ придирчиво осмотрел Янь Цзинцзэ, хотел что-то сказать, но закрыл рот и посмотрел на Цай Аня — Цай Ань велел ему не вмешиваться в дела этого человека.

В конце концов, он был человеком со «свиным мозгом».

Он действительно хотел съесть свиной мозг...

Цай Ань также слез с лошади. На лошади, из-за сильного ветра, он инстинктивно втянул голову, но теперь, чтобы выглядеть более внушительно, он выпрямил шею.

Длинная шея с длинной головой делала его лицо ещё более вытянутым.

Янь Цзинцзэ почувствовал, что этот человек... кажется, ему знаком.

Цай Ань, прищурившись, также разглядывал Янь Цзинцзэ, чувствуя, что этот человек ему знаком.

У этого молодого человека, который один отправился в горы Цюньшань, было много загадок.

Не говоря уже о том, как молодой человек, которого схватили жуны и который пережил много

страданий, мог, когда они решили его отпустить, наоборот, настоять на том, чтобы пойти с ними?

— Как тебя зовут? — спросил Цай Ань на языке жунов.

Янь Цзинцзэ ответил на китайском:

— Вы не жуны, вам не обязательно всё время говорить со мной на их языке.

Он не хотел больше их мучить.

— Кто ты такой? — Цай Ань изменился в лице, а Чжан Эрцюэ и другие сжали оружие, окружив Янь Цзинцзэ.

Янь Цзинцзэ быстро поднял руки:

— Я не хочу вам зла. Всё, что я сказал раньше, правда. Я хань, меня схватили жуны, и я пережил много страданий, прежде чем смог сбежать... Только я пошёл с вами, потому что знал, что вы не жуны, а хань.

— Как ты узнал? — Цай Ань перестал притворяться и строго спросил на китайском.

— Я долго жил в племени жунов, жуны не такие, как вы. Если бы вы действительно были жунами-разбойниками, то, как только окружили меня, стали бы смеяться надо мной, стащили бы меня с лошади или даже убили, а не просто смотрели на меня с ненавистью... Но тогда я не был уверен, а потом, когда я начал плакать на китайском, вы решили меня отпустить, и я понял, что вы хань.

Янь Цзинцзэ говорил искренне, и ему хотелось верить. Чжан Эрцюэ посмотрел на Цай Аня:

— Лао Цай, он говорит правду?

Цай Ань не расслаблялся, спросив Янь Цзинцзэ:

— У тебя есть доказательства, что ты хань? Ты не выглядишь так, будто пережил много страданий у жунов!

Янь Цзинцзэ протянул руки:

— Посмотрите на мои руки, и вы поймёте, сколько я пережил, и...

Янь Цзинцзэ расстегнул пояс, снял овчинный халат жунов и расстегнул ворот, обнажив плечи и часть груди.

На его плечах были не только следы от ножей, но и от стрел, плетей, старые и новые раны накладывались друг на друга. Кроме того, его руки сильно отличались от лица — они были покрыты мозолями и множеством мелких шрамов.

Цай Ань, хотя и был учёным, также участвовал в боях и получал ранения, а когда помогал военным врачам, видел тела многих солдат.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16291/1468221>